

Добрыня Никитич и Алеша Попович. Былина

Добрыня матушке говаривал:

«Чесна вдова Наэльфа Тимофеевна,
Несчастливого спородила,
Спородила, родна матушка,
Привязала бы синь-горюч камень
И спустила бы меня в сине море,
Не ездил бы я, родна матушка,
Во чисты поля,
Не бил бы головок бесповинных,
Не обсиротал бы малых детушек».

Говорит-то родная матушка:

«Не такого бы я хотела спородити,
Хотела бы ты спородити
Силой-храбростью в Илью Муромца.
Красой-басой во Осипа Прекрасного».

Добрыне слово взапреку пришло.

Вскочил-то он на резвы ножки,
Бежал-то он да на широк двор
К столбу точеному,
К колечушку да золоченому,
Брал уздицу шелковую.
Заходил в конюшню кониную,
Выводил он бурушка еждена (езжена)

Да плеточкой хлыстана,
Кладал потнички на потнички,
Да войлучки на войлучки,
Да седельшко черкасское,
Подстёгивал ремешками лосиными.

Его-то родна матушка
Бежит во горенку во светлую
К его-то молодой жене.

«Ай же, молода жена,
Сидишь за пялами точеными,
А за узорами мудреными,
Не знаешь ты, не ведаешь,

Поди-ка ты на широк двор
К своему мужу любимому,
Поди-ка повыспрашивай –
Когда нам ждать да со чиста поля,
С того раздольца широкого?»
Бросала жена пялышки точеные
И узорички мудреные
И бежала на широк двор,
Кидала ручки белые
На его плечки могучие,
Целовала во уста сахарные.
«Ай же, Добрыня Микитинец,
Послушай-ка, что я скажу:
Когда тя (тебя) ждать да со чиста поля,
С того раздолья широкого?»
Говорит-то он да таковы слова:
«Послушай-ка, молода жена,
Что я скажу:
Пройдет-то времечка шесть годов,
Не приеду я да со чиста поля –
Хоть вдовой живи, а хоть взамуж поди;
Не ходи-тко замуж
За Олешеньку да за Поповича,
За того за братца подкрестового.
Видели Добрыню сядучись,
А не видели поездочки –
Только в полюшке куревка прокурила.
Реки-озера конь проскакивал,
А ручья-крежки промеж ноги пропускавал.
Приезжал-то Добрыня во чисто поле,
Ездил-пу(а)рхал по чисту полю,
Искал себе супротивничка;
Проздевал шатро белополотнянно,
Насыпал пшены коню белояровой,
Пал коню да во праву ногу
И говорит ему да таковы слова:
«Ай же ты, бурушко косматенький,
Обступят ежли татаровы поганые –
Во всю пору ржи да лошадиную.

А копытом бей да о сыру землю,
Буди меня да из крепкого сну.»
Добрынюшка сел, попил, покушал,
Трое суток да беспробуду спит,
На четверты сутки пробуждается.
Выходил с шатра белополотнянна
В одной рубашке без пояса,
Посмотрел-то он да на белый свет –
Столько силушки наехало,
Дак пороху пасть некуда
И нету бурушка косматого,
И нет приправы богатырскии(ой).
Схватил он татарина за ноги,
Стал татаринном помахивать
И злодеем поворачивать,
Куда махнет – туда улочки,
Перемахнет – переулочки.
Дошел до бурушка косматого
И до приправы богатырскии(ой),
Садился она да на добра коня,
Стал по силушке поезживать
И прибил-то силу великую,
Не оставил и на семена.
Прошло-то времечка шесть годов.
Не видать Добрыни с чиста поля.
Стал Олеша подхаживать
К его да молодой жене.
«Ай же ты, да молода жена,
Отвори-ка мне да воротца-то.»
Отворила она воротца-то,
Сидели они да поздним вечером.
Говорил-то он да таковы слова:
«Уж ты ай же, молода жена,
Прошло-то времечка шесть годов –
Можно тебе замуж ийти
За меня да добра молодца,
За Олешу Поповича.
Говорит она да таковы слова:
«Послушай-ка, Олеша Попович,

Что я скажу:

Прошло-то времечка шесть годов,
Не приехал, Олеша, со чиста поля;
Еще кладу я шесть годов –
Ежели он да не приедет со чиста поля –
Точто я замуж пойду
За тебя, Олеша Попович,
И тут он да выходил от ней(ё).
Приходил-то он да во свой-то дом,
Снаряжался он поскорешенько,
Выходил-то он да на широк двор,
Выводил он бурушка косматого,
Привязал к столбу точеному,
Ко колечку золоченому,
Кладал потнички на потнички
И войлучки на войлучки,
И седельшко черкасское,
И садился он да на добра коня.
Видели его сядучись,
А не видели поездочки –
Только в полюшке куревка прокурила.
Приезжал-то он да во чисто поле,
Ездил-пу(а)рхал по чисту полю,
Искал-то Добрыню Микитинца.
Приезжал к шатру белополотнянну,
Насыпал пшены он коню белояровой,
Заходил в шатер белополотнянный,
Крест кладет да по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому
На все четыре сторонушки.
Там сидит да Добрыня, хлеба кушает,
Говорит Олеша таковы слова:
«Хлеб да соль, Добрыня Микитинец».
Говорит Добрыня Микитинец:
«Хлеба ешь, Олеша Попович.»
Сидели они да прохлаждалися
С Олешей Поповичем.
Говорит Добрыня Микитинец:
«Послухай-ка, Олеша Попович, что я скажу:

Здорова ль моя матушка?
Здоровы ль соседи порядовные?
Здоровы ль мои добры кони?
А здоровы ль мои подслужащие?
А здорова ль моя молода жена?»
Говорит Олеша Попович:
«Все это по-здоровому -
Здорова твоя матушка,
Здоровы твои подслужащие
И кухарки водоносные;
И здоровы твои соседи порядовные,
И здорова твоя да молода жена;»
И тут они с ним пораспростилися.
Приезжал Олеша со чиста поля,
Приходил к Настасье поздним вечером.
«Ай же, Настасья Микулична,
Отвори-ка мне вороточки,
Запусти меня да добра молодца
Во горенку во светлую
И послушай, что я скажу:
Был-то я да во чистом поле,
Ездил, пурхал по чисту полю
И искал-то я Добрыню Микитинца,
Нашел-то я его убитого да изранена.
Он головушкой лежит да во ракивов куст,
А ногами к реке ко Смородине,
Да на Добрыне древо выросло
И цветы повыцвели,
И закрыли тело Добрынино.
Говорит Настасья Микулична:
«Пройдет еще шесть годов -
Точно замуж пойду.»
И прошло-то времечка шесть лет,
Сполнилось всего двенадцать лет,
Да не видать Добрыни со чиста поля.
Пошло у них столованьце
И обрученьце с молодой женой,
А Добрынюшка живет во чистом поле,
Не зная и не ведая.

У Добрыни добра молодца
Был подслужайший верный,
Сидит да думу думает –
Дай-ка съездю (съезжу) я да во чисто поле,
Поищу Добрыню Микитинца –
Нет ли его во живности,
Не манит ли Олеша Попович.
И справлялся он скорым-скоро и прятался,
И садился он на добра коня,
И ехал он во чисто поле,
Искал Добрыню Микитинца.
Приезжал-то он к шатру белополотнянну,
Насыпал коню пшены белояровой,
Заходил в шатро белополотнянну,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому –
На все на четыре сторонушки.
Сидит Добрыня хлеба кушает.
«Хлеб да соль, Добрынюшка Микитинец».
«Хлеба ешь, мала скоморошинка-подслужайший,
Об чём сюда да приехал ты?»
Говорит он да таковы слова:
«Ай же ты, Добрыня Микитинец,
Сидишь-то ты ешь да прохлаждаешься,
Не знаешь ты, не ведаешь –
Твоя жена посбаловалася,
Пошла она во замужество
За того Олешу Поповича,
За твоего братца подкрестового.
Пойдешь ли ты да на почестен пир?»
Говорит-то Добрыня таковы слова:
«Поезжай-ка ты, мала скоморошинка,
Ждите меня завтрашним денечком
Вечером поздним,
Пашите белы дворы,
Зажигайте люстры светлые,
Стелите сукна, коих лучше нет».
Завтрашним денечком
Вставал он скорым-скоро,

Умывался он белым-бело,
Ставился на правила,
Помолился он Господу на восток
И кладал потнички на потнички,
И седельшко черкасское на добра коня,
Подстёгивал ремнями лосинными,
Садился на добра коня
И ехал он во весь – тут дух –
Реки-озера конь перескакивал,
Ручьи-луженьки промеж ноги пропускавал.
Приезжал-то он на широк двор –
Дворы были напаханы
И стража была кладена,
И подслужащи поставлены.
Взимали они добра коня,
Скочил-то (Соскочил-то) Добрыня с добра коня,
Бежал-то он в палату белокаменну,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все четыре сторонушки.
«Здорово, родна моя матушка».
Мать его да не узнала тут:
«У моего у дитятка
Среди головки переложинка,
Родимна была надебка.»
Наклонил он буйную головушку
Родной своей матушке,
Нашла она да переложинку,
Говорила таковы слова:
«Не пекло у м(е)ня да во палатушки
Красно солнышко двенадцать лет,
А сегодняшним вечером
Распекло у м(е)ня красное солнышко
Во палату грановитую.»
Говорит Добрыня таковы слова:
«Ай же ты, родная матушка,
Где моя да молода жена? –
Не идет со мной да поздоровкаться».
Говорит тут родная матушка:

«Твоя жена посбаловалася –
Пошла за Олешу Поповича,
За твоего за братца подкрестового;
Пойдешь ли ты да на почестен пир?
Говорит-то он да таковы слова:
«Разве сходить-то мне да на почестен пир.
А с соседями мне да поздоровкаться.
Ай же, родная матушка,
Неси-ка платьица цветные,
Неси-ка шапочку мурманку,
Неси сапожки сафьянные,
Да носи гуселышки яровчаты.
Ай же, родная матушка,
Неси-ка злата и серебра».

Тут справился да добрый молодец
И пошел-то он да на почестен пир,
Приворотничкам он рубли давал,
А придворничкам полтиннички.
Зашел во гривницу во светлую,
Крест он клал да по-писаному,
Поклон он вел да по-ученому –
На все четыре сторонушки.
Было сесть ему да некуда –
Все места были заняты.
Посмотрел да добрый молодец
По палате грановитыи(ой) –
Было местечко немноженько
Покрай печки кирпичныи(ой).
(В)скочил-то он на край печки кирпичною(й),
Стал в гуселышка поигрывать –
Рошли тут танцы от Царя-града до Еросолима (Иерусалима).
Стала Настасья часто на печку поглядывать,
Радым-рада да туда вылететь.
Стали его садить да добра молодца:
«Перво местечко те (тебе) во большом углу.
Второ местечко – садись хоть возле
Княгини молодой (ой),
А третье местечко – садись хоть противо ей.»
Говорит-то Добрыня таковы слова:

«Не сяду я да во большом углу,
Да не сяду я да возле-то ей(ё),
Разве сесть-то мне напротиво ей,
Посмотреть-то мне да на бело лице(о)
На ейное румяное.
Садился он противо ей,
Взимал-то чару во белу руку,
Наливал-то ю (ту) полным-полно,
Спустил в чашу свой злачен перстень,
Подносил Настасье Микуличной(е).
«Ай же ты, Настасья Микулична,
Если пьешь до дна – повида(е)шь добра,
А не пьешь до дна – не видать добра.»
Выпивала-то она до донышка,
Увидала там злачен перстень.
Говорила она таковы слова:
«Ай же вы, да православные,
Не тот мой муж – возле меня,
А тот мой муж – против меня.»
(В)скочил-то воин на резвы ножки,
Взимал Олешу за желты кудри,
Выводил с-за стола да дубового;
Поразвел палатой грановитою,
Сказал: «Поберегитесь православные!»
Он спустил его да о кирпичный пол.
«От живого от мужа он жену берет,
Кабы был он не крестовый брат –
Ударил бы его во белу грудь».
Тут ему славы поют.
Взимал Добрыня Настасью Микуличну
За её за ручечки за белые,
За её персни злаченые
И сказал: «Пропустите, православные!»
Приходил-то он да во свою палату белокаменну.
У родной-то у матушки
Была печка-то стоплена
И калачики напечены.
«Садись-ка ты, поешь-попей, покушай-ка.»
И сел он есть, пить, покушати,

А молода жена сидела,
Не ела, не кушала,
Повесила буйную головушку.
Попил, поел он, покушал-то
И не бил он, не колотил своей жены.

Записана от Т. А. Фешева, крестьянина Пудожского уезда Нигижемской волости, деревни Ижгоры в 1904 г. Н. С. Шайжин. «Олонецкий фольклор». Петрозаводск, 1906 г.